

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Х16

Серия «Эксклюзивная классика»

Aldous Huxley
POINT COUNTER POINT

Перевод с английского И.А. Романовича

Серийное оформление Е.Д. Фerez

Печатается с разрешения The Aldous and Laura Huxley
Literary Trust, наследников автора
и литературных агентств Georges Borchardt, Inc.
и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

Х16   Контрапункт / Олдос Хаксли ; [пер. с англ. И.А. Романовича]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 607, [1] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-085760-9

«Контрапункт» (1928 г.) — крупнейшее произведение Олдоса Хаксли, описывающее несколько месяцев из жизни интеллектуальной лондонской элиты. Здесь нет главных действующих лиц или основной сюжетной линии. Как и музыкальный контрапункт, предполагающий сочетание двух и более мелодических голосов, роман Хаксли — это переплетение разных судеб, рассказ о личной жизни множества людей, так или иначе попадающих в поле писательского зрения. Они встречаются в кафе и ресторанах, ходят на великосветские приемы, ссорятся, сплетничают, злословят. Во всем этом нет никакой цели — одна бессмысленная многоголосица. Так Хаксли смотрит на своих современников, а нынешний читатель наверняка услышит в этом хоре много знакомых голосов.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Aldous Huxley, 1928. Copyright renewed 1956
by Aldous Huxley

© Перевод. И.А. Романович, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

О, как удел твой жалок, человек! —
Одним законом сотворен, в другой — закован:
Зачат в грехе — но презираешь грех,
Рожден больным — но тщишься быть здоровым!
И как Природа все смешала жутко —
Веленья страсти с прихотью рассудка!

Фулк Гревилл

I

— Ты вернешься не поздно? — В голосе Марджори Карлинг слышалось беспокойство, слышалось что-то похожее на мольбу.

— Нет, не поздно, — сказал Уолтер, с огорчением и с чувством вины сознавая, что он лжет. Ее голос раздражал его. Она растягивала слова, у нее было слишком изысканное произношение, даже когда она волновалась.

— Не позже двенадцати. — Она могла бы напомнить ему о том времени, когда он ходил в гости с ней. Она могла бы это сделать, но она этого не сделала: это было против ее принципов, она не хотела навязывать свою любовь.

— Ну, скажем, в час. Ты сама знаешь, с этих вечеров раньше не уйдешь.

Но она этого не знала по той простой причине, что ее на эти вечера не приглашали, так как она не была законной женой Уолтера Бидлэйка. Она ушла к нему от мужа, а Карлинг был примерным христианином и, кроме того, немного садистом и поэтому отказывался дать ей развод. Уже два года они жили вместе. Всего два года; и он уже перестал любить ее, он полюбил другую. Грех потерял свое единственное оправдание, двусмысленное положение в обществе — свою единственную компенсацию. А она ждала ребенка.

— В половине первого, Уолтер, — умоляла она, от- лично зная, что ее назойливость только раздражает его и заставляет его любить ее еще меньше. Но она не могла не говорить: ее любовь к нему была слишком силь- ной, ее ревность — слишком жгучей. Слова вырывались у нее сами собой, этому не могли помешать никакие принципы. Было бы лучше для нее, а может быть, и для Уолтера, если бы у нее было меньше принципов и если бы она была менее сдержанна в выражении своих чувств. Но с детства ее приучили владеть собой. По ее мнению, только невоспитанные люди «устраивают сце- ны». Умоляющее «в половине первого, Уолтер» было все, что могло пробиться сквозь ее принципы. Слиш- ком слабый, чтобы тронуть Уолтера, этот взрыв чувств мог вызвать в нем только раздражение. Она это знала и все-таки не могла заставить себя молчать.

— Если мне удастся. — (Ну вот: готово. В его голо- се слышалось раздражение.) — Но я не могу обещать, не жди меня. — Потому что, думал он (образ Люси Тэн- темаунт неотступно его преследовал), конечно, он не вернется в половине первого.

Он поправил белый галстук. В зеркале он увидел ее лицо рядом со своим. Бледное лицо и такое худое, что в тусклом свете электрической лампочки щеки каза- лись ввалившимися от глубоких теней, отбрасываемых скулами. Вокруг глаз были темные круги. Ее прямой нос, даже в лучшие времена казавшийся слишком длинным, выступал над худым лицом. Она стала не- красивой, она выглядела утомленной и больной. Через шесть месяцев у нее родится ребенок. То, что было от- дельной клеткой, группой клеток, кусочком тканей, чем-то вроде червя, потенциальной рыбой с жабрами, шевелилось внутри ее и готовилось стать человеком — взрослым человеком, страдающим и наслаждающимся, любящим и ненавидящим, мыслящим, знающим. То, что было студенистым комком внутри ее тела, приду-

мает себе бога и будет поклоняться ему; то, что было чем-то вроде рыбы, будет творить и, сотворив, станет полем брани между добром и злом; то, что жило в ней бессознательной жизнью паразитического червя, будет смотреть на звезды, будет слушать музыку, будет читать стихи. Вещь станет индивидом, крошечный комок материи станет человеческим телом с человеческим сознанием. Поразительный процесс созидания происходил внутри ее; но Марджори ощущала только тошноту и усталость. Для нее вся эта тайна сводилась к тому, что она подурнела и находилась в постоянной тревоге за свое будущее; физическое недомогание, к которому прибавлялось нравственное беспокойство. Когда она впервые поняла, что беременна, она обрадовалась, несмотря на преследовавший ее страх неприятных последствий для ее тела и общественного положения. Она надеялась, что ребенок вернет ей Уолтера, который уже тогда начал отходить от нее, ребенок возбудит в нем те чувства, которых не хватало его любви, чтобы быть полной. Она боялась физических страданий и неизбежных трудностей. Но ради того, чтобы усилить привязанность Уолтера, стоило пойти на все страдания, на все трудности. Несмотря ни на что, она была довольна. Сначала казалось, что ее надежды оправдались. Узнав, что она ожидает ребенка, он стал относиться к ней с большей нежностью. Две-три недели она была счастлива, она примирилась со страданиями и неудобствами. Но очень скоро все изменилось: Уолтер встретил ту женщину. В те часы, когда он не ухаживал за Люси, он старался быть как можно более заботливым, но она понимала, что за этой заботливостью скрывается недовольство, что он нежен и внимателен из чувства долга и что он ненавидит ребенка, который заставляет его считаться с матерью. Его ненависть к ребенку передалась и ей. Ощущение блаженства исчезло, остался только страх. Страдания и неудоб-

ства — вот что сулило ей будущее. А пока что — дурнота, усталость, физическое безобразие. Как может она в этом состоянии отстаивать свою любовь?

— Ты любишь меня, Уолтер? — вдруг спросила она.

Уолтер на мгновение перевел взгляд своих карих глаз с отражения галстука на отражение ее грустных серых глаз, напряженно смотревших на него. Он улыбнулся. «Если бы она только оставила меня в покое!» — подумал он. Он сжал губы и снова раздвинул их, имитируя поцелуй. Но Марджори не ответила ему улыбкой. Ее лицо осталось по-прежнему грустным и беспокойным. Ее глаза заблестели, и на ее ресницах неожиданно выступили слезы.

— А ты не остался бы сегодня вечером со мной? — попросила она, забывая о своем героическом решении никогда не взывать к его любви и не заставлять его делать ничего против воли.

Вид ее слез, звук ее взволнованного, упрекающего голоса наполнил Уолтера смешанным чувством злости, жалости и стыда.

«Неужели ты не понимаешь, — хотелось ему сказать, но у него не хватило мужества сказать это, — неужели ты не понимаешь, что теперь не так, как было прежде, что теперь не может быть так, как было прежде? А если говорить правду, прежде тоже никогда не было так: я только делал вид, но на самом деле я никогда не любил тебя по-настоящему. Будем друзьями, будем товарищами, мне приятно с тобой, я прекрасно отношусь к тебе. Но, Бога ради, не пичкай меня своей любовью, не насилуй меня. Если бы ты знала, как отвратительна чужая любовь, когда сам не любишь, каким насилием, каким оскорблением она кажется».

Но она плакала. Слезы катились по капле из-под опущенных век. Лицо дрожало и расплывалось в страдальческой гримасе. А он ее мучает. Он ненавидел себя. «Какое она имеет право шантажировать меня своими

слезами?» При этом вопросе он сам начинал ненавидеть ее. Слеза катилась по ее длинному носу.

«Она не имеет права так поступать, не имеет права. Почему она не может вести себя разумно? Потому что она любит меня».

«Но я не хочу ее любви, не хочу. — Раздражение его усиливалось. — Она не имеет права так себя вести, во всяком случае, теперь. Это шантаж, — повторял он про себя, — шантаж. Какое она имеет право шантажировать меня своей любовью или тем, что я когда-то тоже любил ее! Да и любил ли я ее когда-нибудь?»

Марджори достала платок и принялась вытирать глаза. Ему было стыдно своих гнусных мыслей. Но причиной стыда была она: это была ее ошибка. Ей не следовало бросать мужа. Они отлично могли бы устроиться. Послеобеденные часы у него в мастерской. Это было бы так романтично.

«Но ведь я сам потребовал, чтобы она ушла от мужа».

«Но она должна была понять и отказаться. Она должна была понять, что моя любовь не может продолжаться вечно».

Но она поступила так, как хотел он: ради него она отказалась от всего, согласилась на двусмысленное положение в обществе. Тоже шантаж. Она шантажировала его своими жертвами. Он возмущался тем, что своими жертвами она взывала к его порядочности и чувству долга.

«Но если б у нее самой была порядочность и чувство долга, — думал он, — она не стала бы требовать их от меня».

Но она ждала ребенка.

«Неужели она не могла сделать так, чтобы его не было?»

Он ненавидел ребенка. Из-за этого ребенка он чувствовал себя еще более ответственным перед его мате-

рю, еще более виноватым, когда причинял ей страдания. Он смотрел, как она вытирает мокрое от слез лицо. Беременность обезобразила и состарила ее. На что она вообще рассчитывала? Но нет, нет, нет! Уолтер закрыл глаза и сделал чуть заметное судорожное движение головой. Эту подлую мысль нужно раздавить, уничтожить.

«Как могут такие мысли приходить мне в голову?» — спросил он себя.

— Не уходи, — повторила она. Ее утонченный выговор, манера растягивать слова, высокий голос действовали ему на нервы. — Прошу тебя, не уходи, Уолтер!

В ее голосе слышалось рыдание. Снова шантаж. Господи, как мог он дойти до такой низости? И все-таки, несмотря на стыд, а может быть, даже благодаря ему, постыдное чувство все усиливалось. Отвращение к ней усиливалось, потому что он стыдился его; болезненное ощущение стыда и ненависти к самому себе, которое Марджори вызывала в нем, порождало, в свою очередь, отвращение. Негодование порождало стыд, а стыд, в свою очередь, усиливал негодование.

«О, почему она не может оставить меня в покое?» Он страстно, напряженно желал этого, тем более страстно, что сам он подавлял в себе это желание. (Ибо он не смел его проявить; он жалел ее, он хорошо относился к ней, несмотря ни на что; он не способен был на откровенную, неприкрытую жестокость — он был жесток только от слабости, против своей собственной воли.)

«Почему она не оставит меня в покое?» Он любил бы ее гораздо больше, если бы она оставила его в покое; и она сама была бы гораздо счастливее. Во много раз счастливее. Ей же было бы лучше... Тут ему вдруг стало ясно, что он лицемерит. «И все-таки, какого дьявола она не дает мне делать то, чего я хочу?»

Чего он хотел? Но хотел-то он Люси Тэнтемаунт. Он хотел ее вопреки рассудку, вопреки всем своим идеалам и принципам, неудержимо, вопреки своим собственным стремлениям, даже вопреки своему чувству, потому что он не любил Люси; мало того, он ненавидел ее. Благородная цель оправдывает постыдные средства. Ну а если цель постыдна, тогда как? Ради Люси он причинял страдания Марджори, которая его любила, которая все принесла ему в жертву, которая была несчастлива. Но и своим несчастьем она шантажировала его.

Одна часть его «я» присоединилась к ее мольбам и склоняла его к тому, чтобы не поехать на вечер и остаться дома. Но другая часть была сильнее. Он ответил ложью — наполовину ложью, в которой была лицемерно оправдывавшая его доля истины; это было хуже, чем неприкрытая ложь.

Он обнял ее за талию. Само это движение было ложью.

— Но, дорогая, — возразил он ласковым тоном взрослого, который уговаривает ребенка вести себя как следует, — мне необходимо быть там. Знаешь, там ведь будет отец. — Это была правда: старый Бидлэйк всегда присутствовал на вечерах у Тэнтемаунтов. — Мне необходимо переговорить с ним. О делах, — добавил он неопределенно и внушительно: эти магические слова должны были поставить между ним и Марджори дымовую завесу мужских интересов. Но, подумал он, ложь все равно просвечивает сквозь дым.

— А ты не мог бы встретиться с ним в другое время?

— Это очень важное дело, — ответил он, качая головой. — А кроме того, — добавил он, забывая, что несколько оправданий всегда менее убедительны, чем одно, — леди Эдвард специально для меня пригласила одного американского издателя. Он может оказаться полезным; ты знаешь, какие бешеные деньги они пла-

тят. Леди Эдвард сказала, что она с удовольствием пригласила бы издателя, но тот, кажется, уехал обратно в Америку. У них неслыханные гонорары, — продолжал он, сгущая дымовую завесу шутливыми замечаниями. — Это единственная страна в мире, где писателям иногда переплачивают. — Он сделал попытку рассмеяться. — А не мешало бы, чтобы мне где-нибудь переплатили как возмещение за все эти бесчисленные заказы по две гинеи за тысячу слов. — Он крепче сжал ее в объятиях, наклонился поцеловать ее. Но Марджори отвернулась. — Марджори, — умолял он, — не плачь. Не надо. — Он чувствовал себя виноватым и несчастным. Но, Господи, почему она не оставляет его в покое?

— Я не плачу, — ответила она. Щека, к которой он прикоснулся губами, была влажная и холодная.

— Марджори, если ты не хочешь, я не пойду.

— Я хочу, чтобы ты пошел, — ответила она, все еще не глядя на него.

— Ты не хочешь. Я останусь.

— Нет, не оставайся. — Марджори посмотрела на него и заставила себя улыбнуться. — Это просто глупо с моей стороны. Было бы нелепо не повидаться с отцом и с этим американцем.

В ее устах его собственные доводы казались ему бессмысленными и неправдоподобными. Он содрогнулся от отвращения.

— Подождут, — ответил он, и в его голосе прозвучала злоба. Он злился на самого себя за ложь (почему он не сказал ей всю правду, не скрывая, не прикрашивая? Она ведь все равно знала), и он злился на нее за то, что она напоминала ему о лжи. Ему хотелось, чтобы ложь была забыта, чтобы было так, словно он и не проносил ее никогда.

— Нет, нет, я требую. Это было глупо с моей стороны. Прости меня.

Теперь он сопротивлялся, отказывался уходить, просил разрешения остаться. Теперь, когда опасность миновала, он мог позволить себе поломаться. Потому что Марджори — это было ясно — твердо решила, что он должен идти. Ему представлялась возможность проявить благородство и принести жертву по дешевке, даже задарма. Какая гнусная комедия! Но он играл ее. В конце концов он согласился уйти, как будто этим он делал ей одолжение. Марджори надела ему на шею кашне, подала цилиндр и перчатки, поцеловала его на прощание, мужественно стараясь казаться веселой. У нее была своя гордость и свой кодекс любовной чести; и, несмотря на страдания, несмотря на ревность, она держалась за свои принципы: он *должен* быть свободным, она не имеет права вмешиваться в его жизнь. К тому же самое разумное — это не вмешиваться. По крайней мере ей казалось, что это самое разумное.

Уолтер закрыл за собой дверь и вышел в прохладную ночь. Преступник, бегущий от места преступления, бегущий от вида жертвы, бегущий от жалости и раскаяния, не чувствовал бы большего облегчения. Выйдя на улицу, он глубоко вздохнул: он свободен, он может не вспоминать о том, что было, не думать о том, что будет. Может в течение одного или двух часов жить так, словно нет ни прошлого, ни будущего. Может жить настоящей минутой и только там, где в эту минуту находится его тело. Свободен! Но это было пустое хвастовство: забыть он не мог. Бежать не так легко. Ее голос преследовал его. «Я требую, чтобы ты пошел». Его преступление было не только убийством, но еще и мошенничеством. «Я требую». Как благородно он отказывался! Как великодушно согласился под конец! Шулерство венчало собой жестокость.

— Господи! — сказал он почти вслух. — Как я мог? — Он чувствовал к самому себе отвращение, смешанное с удивлением. — Но зачем она не остав-

ляет меня в покое! — продолжал он. — Почему она не ведет себя разумно? — Бессильная злоба снова охватила его.

Он вспомнил то время, когда он желал совершенно иного. Больше всего ему хотелось, чтобы она не оставляла его в покое. Он сам поощрял ее преданность. Он вспомнил коттедж, где они прожили несколько месяцев в полном уединении, среди голых меловых холмов. Какой вид на Беркшир! Но ближайшая деревня отстояла за полторы мили. Как тяжела была сумка с провизией! Какая грязь, когда шел дождь! И воду приходилось таскать из колодца глубиной в добрых сто футов. Но даже тогда, когда он не был занят чем-нибудь утомительным, было ли ему хорошо? Был ли он когда-нибудь счастлив с Марджори — по крайней мере настолько счастлив, насколько должен был бы быть? Он ожидал, что это будет похоже на «Эпипсихидион», — это не было похоже, может быть, потому, что он слишком сознательно стремился к этому, слишком старался сделать свои чувства и свою жизнь с Марджори похожими на поэму Шелли.

— Искусство нельзя принимать слишком буквально. — Он вспомнил, что сказал муж его сестры, Филип Куорлз, когда они однажды вечером разговаривали о поэзии. — Особенно когда речь идет о любви.

— Даже если искусство правдиво? — спросил Уолтер.

— Оно может оказаться слишком правдивым. Без примесей. Как дистиллированная вода. Когда истина есть только истина и ничего больше, она противоестественна, она становится абстракцией, которой не соответствует ничто реальное. В природе к существенному всегда примешивается сколько-то несущественного. Искусство воздействует на нас именно благодаря тому, что оно очищено от всех несущественных мелочей подлинной жизни. Ни одна оргия не бывает такой захва-

тывающей, как порнографический роман. У Пьера Луиса все девушки молоды и безусловно сложены; ничто не мешает наслаждаться: ни икота или дурной запах изо рта, ни усталость или скука, ни внезапное воспоминание о неоплаченном счете или о ненаписанном деловом письме. Все ощущения, мысли и чувства, которые мы получаем от произведения искусства, чисты — химически чисты, — добавил он со смехом, — а не моральны.

— Но «Эпипсихидион» — не порнография, — возразил Уолтер.

— Конечно, но он тоже химически чист. Вы помните этот сонет Шекспира:

Ее глаза на солнце не похожи,
Коралл краснее, чем ее уста,
Снег с грудью милой — не одно и то же,
Из черных проволок ее коса.
Есть много роз пунцовых, белых, красных,
Но я не вижу их в ее чертах.
Хоть благовоний много есть прекрасных,
Увы, но только не в ее устах.

И так далее. Он понимал поэзию слишком буквально, и это — реакция. Пусть это будет предупреждением для вас.

Разумеется, Филип был прав. Месяцы, проведенные в коттедже, не были похожи ни на «Эпипсихидион», ни на «Maison du berger»¹. Чего стоили хотя бы колодец и прогулки в деревню!.. Но даже если бы не было колодца и прогулок, даже если бы у него была одна Марджори без всяких примесей — стало ли бы от этого лучше? Вероятно, только хуже. Марджори без примесей была бы еще хуже, чем Марджори на фоне житейских мелочей.

---

¹ «Пастушеский дом» (фр.).